

«ДЕТИ КОРЕЛЬСКИЕ» В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ XV в.

Исследователи неоднократно подчеркивали полиэтничность населения средневековой Новгородской земли. Это утверждение ярко иллюстрируется на примере Водской пятины. В ее составе с конца XV в. находился Корельский уезд, территория которого тесно связана с историей прибалтийско-финского этноса — карелов. Ряд новгородских актов 60—80-х годов XV в. упоминает неких «корельских детей». Среди историков нет единства по поводу того, кого необходимо понимать под этими людьми. Этническое содержание очевидно, но можно предполагать также и социальное — выражение «корельские дети» явно коррелирует с обозначением низшей знати — «дети боярские», хорошо известным по русским источникам XV—XVII в. В настоящей статье предлагается комплексный анализ всех данных об этой группе с целью выяснить ее характер и происхождение.

В. О. Ключевский предполагал, что корельские дети — это карелы, населявшие Беломорское побережье во времена основания Соловецкого монастыря [Ключевский, 1867, с. 4]. Позднее он скорректировал свою точку зрения, утверждая, что под корельскими детьми стоит понимать выходцев из города Корелы, предпринимавших различные промысловые походы на север [Ключевский, 1914, с. 439—440]. С. С. Гадзяцкий определял корельских детей как карелов-вотчинников, объединенных в пять родов, каждый из которых имел свое название. Земельные владения корельских детей могли находиться в распоряжении как всех пяти родов, так и отдельно взятого рода. Новгородские акты упоминают крупных и средних вотчинников, чьи владения располагались в северо-западном Приладожье и в карельском Беломорье [Гадзяцкий, с. 144—145]. И. П. Шаскольский понимал под «корельскими детьми» карельское население западного Поморья, которое появилось там в результате переселения в течение XIII—XIV в. с основной карельской племенной территории — погостов северо-западного Приладожья [Шаскольский, с. 73]. Упоминание корельских детей в берестяной грамоте № 248 привело В. Л. Янина и А. А. Зализняка к мысли о наличии в северо-западном Приладожье в конце XIV — начале XV в. карельского родового нобилитета, обладавшего значительной собственностью [Янин, Зализняк, с. 197].

Что касается названий пяти родов корельских детей, то у исследователей нет на этот счет единого мнения. С. С. Гадзяцкий перечислял рокульцев, тиврольцев, валдольцев, вымольцев и куролюцев [Гадзяцкий, с. 144]. Р. Б. Мюллер и А. Ю. Жуков упоминали рокульцев, вальдольцев, вымольцев, куролюцев и Наволоч-род [Жуков, 2003; Мюллер, с. 29].

Таким образом, обозначенной темы касались немногие авторы. Наличие неразрешенных вопросов требует специального обращения к ним.

Основным источником сведений о корельских детях является актовый материал, представленный новгородскими купчими, поручными, данными и духовными грамотами XV в. на земельные участки в карельском Беломорье¹. Дополнительным источником послужила писцовая книга Водской пятины Д. В. Китаева и дьяка Н. С. Губы Моклокова, в составе которой в 7008 (1499/1500) г. был описан Корельский уезд². Писцовая книга великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель сохранилась, в целом, довольно полно. При публикации издатели иногда неправильно определяли порядок печатания отдельных листов, многочисленны

¹ ГВНП. М.; Л., 1949. С. 288—312.

² Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение) // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. С. 1—188.

неверно прочитанные слова. По этим причинам не всегда возможно реконструировать оригиналы карельских антропонимов и топонимов. Кроме того, о корельских детях упоминает берестяная грамота № 248, которая происходит из слоев 1380–1390-х годов.

Понятие «корельские дети» встречается в 6 грамотах Обонежья, относящихся к периоду 60-х — начала 80-х годов XV в. (ГВНП № 222, 303, 304, 319, 327, 328). Дважды понятие фигурирует в форме «дети корельские» (№ 222 и 327). Все указанные грамоты оформляли различные имущественные сделки частных лиц с Соловецким монастырем: продажу, дарение, завещание и передачу в залог монастырю земельных владений и угодий. В начале 70-х годов XV в. Соловецкий монастырь купил у Григория Давыдова земельные участки на реках Выг, Шуя и Кемь «промежи пяти родовъ корельскихъ детей»³. В это же время Олфуй Юрьев заложил находившуюся на Выге и Шуге «отцину свою Корелской земли, промежу пятию родъ корелскихъ детей»⁴. Во второй половине 70-х годов Григорий Иванович завещал Соловецкому монастырю вотчину «в Корелской земле... между пятиа роды, куды ходять корелскийи дети»⁵. В первой половине 80-х годов XV в. воевода Федор Иванович, «дети корельстии» и «вся рать каянская» передали в дар Соловецкому монастырю колокол⁶. Также в начале 80-х годов Нестор Иванович передал Соловецкому монастырю вотчину своего брата Федора, находившуюся на реках Умба и Варзуга «межь дедтми корелскими»⁷. К широкому периоду 60–80-х годов XV в. относится «данная» грамота Матвея Ильина Соловецкому монастырю на участок «промежу пятию роды корельскими детьми»⁸.

В более ранних грамотах конца 40-х — начала 70-х годов XV в. о корельских детях нет упоминаний: использовались такие обороты, как «межу корелою, куды все 5 родовъ володеють» (№ 296), «промежи пяти родовъ» (№ 301), «промежу корелойи пяти родовъ» (№ 302), «межу корелойи» (№ 322). Таким образом, понятие «корельские дети» как обозначение социальной группы появляется в актах не ранее 60-х годов XV в.

Обращение к обонежским грамотам XV в. позволяет определить названия пяти родов и расположение их земельных владений. Географические названия северо-западного Приладожья, зафиксированные текстом писцовой книги, локализуют основные поселения, связанные с «корельскими» родами. Несмотря на то что в грамотах идет речь о землевладении «промеж пяти родовъ», названий этих родов насчитывается 6. Грамоты упоминают роды рокульцев (грамоты № 286, 287, 291), курольцев (№ 286, 287), валдольцев (№ 296, 300, 319), вымольцев (№ 297, 298, 312, 318, 327), тиврольцев (№ 327) и Наволоч-род (№ 322)⁹. Следовательно, один из пяти родов имел двойное название.

Эту проблему позволяет решить ойконимия Корельского уезда. Уезд был разделен на две части по реке Вуоксе: ближняя к Новгороду южная часть уезда называлась «Передней Корелой» и включала в себя Городенский, Сакульский и Ровдужский погосты. В Передней Кореле находился административный центр уезда — город Корела. В северной части уезда — «Задней Кореле» — находились Кирьяжский, Сердвольский, Соломенский и Иломанский погосты.

Род рокульцев был связан, видимо, с Городенским и Сакульским погостами: в Сакульском погосте были записаны деревни *Рокула у озера Сванского* и *Рокула селище*¹⁰. В деревнях Городенского погоста проживали некоторые представители рода рокульцев, известные по

---

³ ГВНП. С. 298.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же. С. 312.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Там же. С. 246.

⁸ Там же. С. 307.

⁹ Там же. С. 288, 289, 291, 294–297, 303, 307, 309, 311.

¹⁰ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. С. 48.

писцовому описанию своеземцы *Григорий Иванов Рокульский, Никита Павлов Рокульский, Исак Павлов Рокульский, Микифор Яковль Рокульский*¹¹. Следует согласиться с С. С. Гадзяцким в том, что род рокульцев был наиболее многочисленным и богатым: если своеземцы Корельского уезда владели 2–3 обжами, то Григорий Рокульский владел 62 обжами в Городенском и Сакульском погостах [Гадзяцкий, с. 19]. Известно, что *Григорий, Никита и Исак Рокульские* владели дворами в городе Кореле, но не проживали там: их дворы упомянуты в писцовой книге среди дворов «своеземцовъ Корельскихъ»¹². Таким образом, область проживания рокульцев находилась к югу от города Корелы.

Севернее фиксировались ойконимы, связанные с родом тиврольцев: названия деревень *Тивра на речке Тивре* и *Чернокунская на Тивре* Городенского погоста, а также деревни *Тиврола* и *Погици Тиврольские* Кирьяжского погоста¹³. В основе всех этих названий был гидроним *Тивра*. С тиврольцами мог быть связан Тиверский городок, который существовал в начале XV в. в районе Сакульского погоста. В летописях он упоминается дважды. В 1404 г. Тиверский городок был передан вместе с 12 другими городами Новгородской земли в кормление князю Юрию Святославичу Смоленскому¹⁴. В 1411 г. «пригород новгородский Тиверский» был взят шведами и после этого, видимо, больше не восстанавливался, поскольку после 1411 г. не упоминается в источниках¹⁵.

На валдольцев указывает один ойконим — деревня *Валдола* Кирьяжского погоста¹⁶. К этому же погосту принадлежат поселения рода куролецев, поскольку здесь зафиксированы 3 деревни с названием *Куролежи*¹⁷. С. В. Бельский указывает, что на острове Кильпола (*Кильбоостров* Кирьяжского погоста) находилось поселение *Курола* [Бельский, с. 191]. Однако ойконим *Курола* неизвестен писцовым книгам, хотя упоминается вместе с карельскими именами в берестяных грамотах № 278 (1370-е — начало 1380-х годов) и № 130 из слоя 1380–1400-х годов [Зализняк, с. 596–597].

Наконец, остаются два рода — вымольский (вымольцы) и Наволоч-род. Ойконимия Кирьяжского погоста позволяет отождествить их, так как в этом погосте упоминается деревня *Вымолский наволок*¹⁸. Вероятно, деревня получила свое название по особенностям географического расположения: вымол представлял собой намытую водой возвышенность у реки/озера. Наволоком считался мыс у моря, озера или реки [Муллонен, с. 15]. Следовательно, *Вымолский наволок* — это намытый водой мыс у реки/озера. Возможно, на этом участке суши можно было осуществлять волок судов. В данном случае может идти речь о побережье Ладожского озера, где располагался Кирьяжский погост.

О событиях более ранней истории рода вымольцев сообщает берестяная грамота № 248. Текст грамоты следующий: «бѣють челомъ корила погоская кюлолаская и кюриеская господину новугороду | приобижены есмь с нимечкою половинѣ | оцтина наша и дидѣна [от](им) ана оу вымолчовѣ господѣ | а имали крецетеея... лопь и вьрьжи пограбилѣ | а сами есмь |...» [Зализняк, с. 623].

У исследователей встречается различная интерпретация текста грамоты. По мнению И. П. Шаскольского, «корила погоская» — это население части Корельской земли, которая имела деление на погосты, в отличие от карелов, живущих между Белым морем и Ботническим заливом

¹¹ Там же. С. 13, 16–18.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. С. 8, 25, 30, 123.

¹⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 395.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000. С. 402.

¹⁶ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 134, 140, 141.

¹⁸ Там же. С. 122.

[Шаскольский, с. 72]. То есть в грамоте идет речь о карелах Кюлолакшского и Кирияжского погостов. С. В. Бельский предположил, что «корила погоская» — это население отдельного административного округа, Городенского погоста, конца XV в. Следовательно, в грамоте идет речь о населении трех, а не двух погостов [Бельский, с. 186]. Точка зрения С. В. Бельского опровергается свидетельством им же цитируемой летописи под 1396 г.: «Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескийи и Кюлоласкийи, и церковь сожгоша»¹⁹. Таким образом, грамота говорит о двух погостах, при этом «корила погоская» — это родовое понятие, а «Кюлолаская и Кюриеская» — видовое по отношению к погосту.

Споры вызывает фраза «отина наша и дидъна [от](им)ана оу вымолчовъ господъ | а имали кречетея... лопь и вьржи пограбилъ». А. В. Арциховский считал, что грамота представляет собой начало важного государственного документа, адресованного «Господину Новгороду» от лица «вымольцев господ», то есть карельского родового нобилитета, пострадавшего от нападения из Швеции [Арциховский, Борковский, с. 234]. Точка зрения основана на прямолинейном переводе текста грамоты: «Отеческое наше и дедовское захвачено у вымолецких господ» [Зализняк, с. 623]. И. П. Шаскольский поддержал такую интерпретацию и связал берестяную грамоту с уже упоминавшимся летописным известием 1396 г., в котором сообщается о нападении с шведской стороны на Кирияжский и Кюлолакшский погосты [Шаскольский, с. 74]. Связать известия двух источников позволяет и то, что археологическая датировка грамоты (80–90-е годы XIV в.) коррелирует с летописной.

А. А. Зализняк поддержал другую версию перевода: «Отцовское наше и дедовское захвачено вымолецкими господами. А захватили кречетиные [ловища], пограбили землю лопарей и верши» [Зализняк, с. 623]. По его мнению, фраза «[от](им)ана оу вымолчовъ господъ» представляет собой пассивный оборот с предлогом *у*. В такой интерпретации грамота была написана жителями Кюлолакшского и Кирияжского погостов по причине их конфликта как со шведской стороной, так и с представителями карельского рода вымольцев. Несмотря на различные переводы текста, важен факт именованья вымольцев «господами», который указывает на их высокий социальный статус землевладельцев в Корельской земле. Таким образом, берестяная грамота № 248 впервые дает прямое подтверждение существования одного из пяти родов в конце XIV в. в северо-западном Приладожье.

Об аналогичном нападении шведской стороны сообщает берестяная грамота № 249, найденная вместе с грамотой № 248 и археологически датированная тем же периодом. Обе грамоты имеют одинаковый почерк: возможно, это части одного большого послания на нескольких листах [Зализняк, с. 622]. Грамота № 249 содержит ряд антропонимов прибалтийско-финского происхождения: личные имена *Игала*, *Кавкагала*, *Новзе*, *Мундуи*, патронимы *Гювиев* и *Вармин* [Зализняк, с. 625]. Учитывая связь двух грамот, можно предполагать, что в грамоте № 249 также идет речь о нанесении ущерба корельским детям.

По данным писцовой книги, деревня *Вымолский наволок*, поселенческий центр вымольцев, в 1499/1500 г. входила в состав Кюлолакшской перевары Кирияжского погоста. Это позволяет предположить, что в конце XIV в. деревня входила в существовавший на тот момент Кюлолакшский погост, пострадавший от нападения шведов. В течение последующего столетия Кюлолакшский погост слился с Кирияжским.

Таким образом, наибольшее скопление ойконимов, связанных с пятью корельскими родами, прослеживается в Кирияжском погосте: здесь, вероятно, находились поселенческие центры валдольцев, куролецев и вымольцев — северных родов Корельского уезда. Тиврольцы освоили территорию южнее — в Кирияжском и Городенском погостах. Наконец, на юге уезда

---

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 387.

проживали рокульцы. Ойконимы, связанные с названием этого рода, находились в Городенском и Сакульском погостах.

Формулировки духовных, купчих и данных грамот на земельные владения представителей 5 родов позволяют утверждать, что роды были объединены коллективной собственностью на землю и угодья. Об этом свидетельствуют грамоты, упоминающие владения «промежи пяти родов», «между корелою, куды вся 5 родов владеють», «промежю корелой пяти родов»²⁰. Помимо указаний на землевладение 5 родов есть сведения о владениях отдельных родов. Упоминаются участки «между курольце и ровкульце», «промеж Вымольци», «между Наволоча роду». В грамотах используются обороты «а то родъ Вымолоцкии», «отцина... Рокольского роду»²¹.

Земельные владения корельских детей располагались преимущественно в Обонежской пятине по рекам Беломорского бассейна — Выг, Сорока, Кемь, Воньга, Шуя, Умба и Варзуга. Реки Умба и Варзуга протекают из средней части Кольского полуострова на юг. Известно, что в 1419 г. норвежцы на кораблях совершили нападение на *Корельский погост*, располагавшийся на реке Варзуге²². Некоторые владения корельских детей находились на *Кильбоострове* (современный остров Кильпола), который входил в административную структуру Кирияжского погоста Корельского уезда²³. Деревня *Ракульская*, расположенная в Вытегорском Покровском погосте Обонежской пятины, обязана своим названием роду рокульцев²⁴. Видимо, владения рода находились не только на Беломорье, но и на юго-восточном побережье Онежского озера.

В середине XV в. отдельные представители родов уже имели право самостоятельно, без участия других членов рода, отчуждать свои земельные владения и угодья за пределы 5 родов. Среди покупателей вотчин встречаются представители новгородской администрации. В конце 40-х — 50-х годов XV в. посадник Афанасий Есифович купил участки «между курольце и ровкульце». Известно о двух его сделках — с Иваном Федоровым и Иваном Лускаловым — на участки по беломорским рекам Выг и Сорока²⁵. В эти же годы Ховра Васильева продала посаднику Дмитрию Васильевичу «отцину свою Рокольского роду»²⁶. Известно также 9 грамот о приобретении земель Соловецким монастырем, 2 связаны с Вяжицким монастырем. То, что корельские дети активно выступают вкладчиками в монастыри, косвенно свидетельствует об их принадлежности к православию.

К середине XV в. у корельских детей сложилась практика «в лопь ходити и празгу имати», то есть взимать натуральный/денежный оброк с «лопи» за пользование землями и угодьями, принадлежавшими корельским детям²⁷. В данном случае под «лопью» следует понимать саамов, проживавших на Кольском полуострове и в бассейне Белого моря [Жуков, 2004, с. 312; Керт, с. 39]. В конце 40-х — 50-е годы XV в. Юрий Каргуев продал Ивану Аввакумову несколько земельных участков, так что последнему разрешалось «на декои лопи до Тирьского наволока торговати... и празга ему емати»²⁸. На рубеже 60—70-х годов XV в. Павел, Иван и Борис купили у Бориса Калтоева «землю и воду, и в лопь ходити, и празгу имати, участокъ Парандоевъ»²⁹. Во второй половине 70-х годов Григорий Иванович завещал Соловецкому монастырю свою вотчину, куда входили «по морскому берегу и земля и вода, и лес полешей, и пожни, и ловища, и на лопи между пятиа роды, куды ходять корелскии дети»³⁰.

²⁰ ГВНП. С. 295, 297—299.

²¹ Там же. С. 289, 291, 295, 296, 303, 307, 309.

²² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 426.

²³ ГВНП. С. 289, 291, 294—296, 309.

²⁴ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 15.

²⁵ ГВНП. С. 289.

²⁶ Там же. С. 291.

²⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1992. Вып. 18. С. 126.

²⁸ Там же. С. 309.

²⁹ Там же. С. 308.

³⁰ Там же. С. 312.

Практика сборов с саамского населения была ограничена в начале XVI в. Так, в переводе на датский язык сохранились «наказные памяти» великого князя Василия Ивановича сборщикам дани в Лопской земле от 1517 г. В грамотах говорилось о том, что сбор дани находился в ведении великокняжеских данщиков, причем они должны были собирать дань «в соответствии с записью в книгах»³¹. Ловить рыбу на побережье и охотиться в угодьях лопарей не имели права «ни карелы, ни новгородцы, шведы или кто-либо иной чужак»³².

Таким образом, корельские дети представляли собой землевладельцев, чьи владения располагались по рекам бассейна Белого моря, на Кольском полуострове и юго-восточном побережье Онежского озера.

Этническая принадлежность корельских детей устанавливается исходя из упоминания «корельских» родов, к которым они принадлежали, а также их земельных владений «межу корелою» и «промежю корелой пяти родовъ». «Корелой» в период Средневековья именовался прибалтийско-финский этнос, населявший территорию Корельской земли (с конца XV в. — Корельского уезда) [Кочкуркина, с. 168]. О том, что корельские дети были карелами, позволяют также судить их антропонимы. Немногочисленны некалендарные патронимы, например: *Олена Ораванова* из рода валдольцев (*Oravan < oravan 'белка'*), *Юрий Каргуев* из рода вымольцев (*Karhoi < karhei 'грубый, суровый'*), *Борис Калтоев*, род которого неизвестен (*Kaltoi < kalto 'косой'*)³³. *Борис Калтоев* продал участок некоего *Парандоя* (*Parandoi < parandua 'лечить'*). Встречаются единичные календарные имена в прибалтийско-финской форме: *Вачуй Пендин* (*Вачуй < Vat'hoi < Василий*, также возможно, что это некалендарное имя, образованное от *vašči 'живот, брюхо'*; *Пендин < Pentoi < Пантелеимон*), *Фома Мануев* (*Manoi < Мануил*), *Фома Максимов Менуев* (*Menoi < Мина*), *Олфуй Юрьев Корелянин* (*Olfoi < Олфер < Елевферий*)³⁴ [Кюршунова, с. 85, 206; Nissilä, s. 119, 138]. Последний пример иллюстрирует, что прозвище *Корелянин* могло обозначать карела.

Большинство корельских детей носило календарные имена в славянской форме. В актах упоминаются вотчинники *Семен Климов*, *Григорий Давыдов*, *Григорий Иванов* и *Артемий Степанов*, братья *Нестор Иванович* и *Федор Иванович* (все без указания рода), *Онцифор Осипов*, *Федосья Харитоновна жена* и некто *Макарий* из рода вымольцев, *Клим* и *Иван* «*Михайловы дети из Валдоле*», *Фалалей* из *Валдолы*. *Иван*, *Василий* и *Онкиф Федоровы*, а также *Иван Лускалов*, которые владели землей «межи Куролчи и Рувкулчи»³⁵. Однако календарная антропонимия детей корельских не дает основания полагать, что указанные вотчинники были славянами. Показателен пример с *Ховрой Васильевой* из рода рокульцев. Ее отца звали *Василием Кокуем* (*Kokoi < kokoi 'овсяный хлебец продолговатой формы' / kiko'i 'петух'*), а мужа — *Давыдом Тойветом*³⁶ (*Toivottu < toivottu 'желанный'*) [Кюршунова, с. 232, 536; Соболев, с. 12]. Антропонимия детей корельских позволяет считать, что в XV в. они носили по преимуществу календарные имена в славянской форме и были, вероятно, крещены в православии. Итак, помимо землевладения, пять родов корельских детей были объединены этнической принадлежностью к карельскому народу.

По ряду причин возможно рассматривать понятие «корельские дети» в качестве местного, карельского аналога понятия «дети боярские». Во-первых, понятие «дети боярские» появляется в Северо-Восточной Руси в 30-е годы XV в., однако широко употребляется в актах

³¹ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 129.

³² Там же.

³³ ГВНП. С. 307, 309.

³⁴ Там же. С. 298, 299, 304, 308.

³⁵ Там же. С. 294–297, 303, 307, 312.

³⁶ Там же. С. 291.

начинает только с 60-х годов [Кучкин, с. 355]. Вероятно, понятие перешло в активную лексику Новгородской земли из актов Северо-Восточной Руси в 60-х — начале 70-х годов, претерпев трансформацию с учетом местных новгородских реалий, а именно — Корельской земли и проживавшего там карельского этноса. Во-вторых, понятие «дети боярские» обозначает мелкую и среднюю знать, низший разряд служилых людей [Кучкин, с. 350]. Корельские дети также имели высокий социальный статус и обладали земельной собственностью. Возможно, после присоединения Новгорода к Москве корельские дети стали местным разрядом служилых людей. В первой половине 80-х годов XV в. упоминается воевода Федор Иванович, «дети корельстии» и «вся рать каянская»³⁷. Это говорит о том, что корельские дети были инкорпорированы в административно-служилую систему Новгородской земли.

Таким образом, корельские дети представляли собой землевладельцев, обладавших относительно крупной собственностью в Беломорье и юго-восточном Обонежье. Впервые корельские дети упоминаются в актах Обонежья с 60-х годов XV в. Появление термина «корельские дети», вероятно, связано с влиянием терминологии Северо-Восточной Руси, где в 30-е годы XV в. появляется, а в 60-е годы получает широкое распространение понятие «дети боярские». Акты и берестяные грамоты сообщают о наличии у корельских детей пяти родов. Упоминания отдельных корельских родов наблюдаются уже с конца XIV в. Писцовая книга 1499/1500 г. позволяет определить расположение основных поселений корельских детей: они выявляются на территории Кирьяжского, Городенского и Сакульского погостов. Фактически в центре этих погостов находился город Корела. Дети корельские по своей этнической принадлежности были карелами, на что указывают упоминания «корелы» в связанных с ними актах, а также некоторые прибалтийско-финские антропонимы. Под влиянием христианских традиций славян большинство детей корельских носило календарные имена в славянской форме и было, видимо, крещено в православии.

Корельские дети — это местная знать (нобилитет), социальный статус и авторитет которой базировался, вероятно, ещё во многом на родовых отношениях. Во всяком случае, об этом говорит то, что они постоянно упоминаются как «роды» и владеют угодьями по родам. Однако в условиях распространения власти Новгородской «республики» на исконные территории корелы местная знать так или иначе «встраивается» в экономику и отношения собственности, принятые в Новгороде, а также в административную и военную структуру. Условием успешной инкорпорации иноэтничных элементов с относительно высоким социальным статусом в структуру Новгородской республики была, конечно, христианизация. Не случайно, что имена этой корельской знати уже христианские, а по целому ряду грамот они выступают вкладчиками в православные монастыри.

Литература

- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
- Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки в северо-западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 гг.). СПб., 2012.
- Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- Жуков А. Ю. Приладожье в 1500 году // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах, 2002–2003. СПб., 2003. Вып. 3. С. 104–114.
- Жуков А. Ю. Саамы в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев) // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004. № 1. С. 298–322.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Керт Г. М. Саамы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 39–57.

³⁷ Там же. С. 311.

- Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1867.
- Ключевский В. О. Разбор исследования г. Чечулина. Отзывы и ответы. М., 1914.
- Кочкуркина С. И. Карельские земли в XII—XV вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 168—172.
- Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРА. СПб., 1997. Т. 50. С. 347—358.
- Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. СПб., 2010.
- Муллерен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947.
- Соболев А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV—XVI вв. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 7—34.
- Шаскольский И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 71—78.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
- Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1976. I. S. 43—172.